

Олег Агрянский

Дипломаты,
шпионы и другие
уважаемые люди

Олег Агранянц

**Дипломаты, шпионы и
другие уважаемые люди**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Агранянц О.

Дипломаты, шпионы и другие уважаемые люди / О. Агранянц —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Олег Агранянц — русский писатель, эмигрировавший в Америку, бывший сотрудник советского МИДа и федеральных учреждений США, известен читателям по серии ироничных детективов — трилогии «В поисках Мефистофеля». По совету Мопассана, решил не злоупотреблять терпением читателя и не писать замшелые мемуары, а поведать миру веселые и смешные истории, которыми изобилует биография автора. Про то, как читал Ахматовой ее стихи и выслушивал советы Вертинского о том, как надо обращаться с дамами. Про то, как Юрий Гагарин учил его обманывать жену, а будущий антигерой Беслана Дзасохов бегал по дамским туалетам. Про то, как на тропическом острове занимался деятельностью, «несовместимой с дипломатическим статусом». Про то, как во время беседы с директором ЦРУ пытался понять, шпион ли Горбачев. Это истории не о делах, не об идеях, а о живых людях. Порой — смешные до анекдотичности, порой — грустные. Но благодаря несомненному литературному таланту автора и богатому жизненному опыту не оставят равнодушными читателей не без интеллекта.

© Агранянц О.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1. Охота к перемене мест	6
1.1. Привет из Нового Орлеана	6
1.2. Атмосфера накаляется	11
1.3. Наша страна	14
2. Восхождение в номенклатуру	16
2.1. Комитет, который был не нужен	16
2.2. На нефтегазовом фронте	29
3. Школа нелегалов	34
3.1. На передовой идеологической войны	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Агранянц

Дипломаты, шпионы и другие уважаемые люди

В первый раз я писал автобиографию, когда после школы поступал в Военную академию химической защиты, тогда еще имени К. Е. Ворошилова. Там я должен был указать место захоронения моей бабушки, что я и сделал, хотя в то время бабушка была жива и благополучно проживала в Германии: в те годы родственников, живущих за границей, предпочитали не упоминать.

Потом я писал автобиографию при поступлении в МИД. Бабушкой там не интересовались, но я умолчал о жившей в Новом Орлеане тете, к которой позже и переехал на постоянное место жительства. В ЦК КПСС автобиографию не спрашивали.

Я вспоминал свою биографию при приеме на работу в ЦРУ США. Вспоминал на полиграфе, в простонародье именуемом «детектором лжи». Для верности через полиграф пропустили и мою жену Ларису.

Теперь я отошел от дел, а посему моя автобиография никого больше не интересует.

Я не собирался писать воспоминания до тех пор, пока мне на глаза не попался любопытный абзац из книги Ги де Мопассана: *«Никого не интересуют, Рауль, даты твоего продвижения по службе и твои успехи у дам. Это очень скучно. Даже если ты станешь маршалом Франции, в чем я сомневаюсь, люди не будут читать твои воспоминания. Положи лучше на бумагу в вольном порядке те веселые истории, которые ты рассказываешь нам после второй бутылки»*.

И я решил последовать совету Мопассана. Не забываясь о последовательности событий и не боясь повториться, я положил на бумагу веселые и, на мой взгляд, интересные истории, которые по вечерам, расположившись у бассейна, рассказываю моим друзьям. Про то, как читал Ахматовой ее стихи и выслушивал советы Вертинского о том, как надо обращаться с дамами. Про то, как Юрий Гагарин учил меня обманывать жену, а будущий антигерой Беслана Дзасохов бегал по дамским туалатам. Про то, как при встрече со мной Арафат заговорщически подмигивал, а будущий председатель ГКЧП Янаев помог мне выпутаться из неприятной истории. Про то, как на тропическом острове я занимался деятельностью, «несовместимой с дипломатическим статусом». Про то, как во время беседы с директором ЦРУ пытался понять, шпион ли Горбачев.

Эти истории не о делах, не об идеях, а о людях. Я хочу, чтобы они воспринимались как альбом старых фотографий, а люди, упомянутые в них, – не как сторонники каких-то принципов, а как обыкновенные люди теперь уже далекого двадцатого века.

1. Охота к перемене мест

1.1. Привет из Нового Орлеана

1. Графиня Лазарева

Сначала, как всегда, кофе и варенье из китайских яблочек.

– Когда летишь в Тунис? – спросила тетя Тоня.

– Послезавтра.

Она протянула мне бумагу.

Это было «приглашение на воссоединение семьи». Тетя Астри приглашала меня и мою супругу «воссоединиться» с ней в Соединенных Штатах.

– Армян теперь свободно выпускают, и Астри тебя ждет. Она тебе поможет на первых порах.

Когда-то тетя Астри была личным секретарем и очень личным другом «всесоюзного старосты» Михаила Калинина. В конце двадцатых она поехала в командировку во Францию и не вернулась. Там она стала крупным специалистом в текстильной промышленности. Фамилию носила почти французскую – Сарк. В начале семидесятых переехала в США и теперь жила в Новом Орлеане.

– Ты никому в Москве не должен показывать это письмо, – продолжала тетя Тоня. – А когда прилетишь в Тунис, сначала позвони Астре. В приглашении есть ее номер телефона. У тебя есть шанс навсегда уехать из этой страны.

Больше всего на свете тетя Тоня не любила советскую власть и англичан. С раннего детства она говорила со мной по-немецки и намекала, что моя бабушка – немка. Немецкий она знала в совершенстве, говорила без акцента, подолгу цитировала по памяти Гете. Потом однажды безо всякого объяснения перешла на французский. Узнав, что я вступил в партию, она перестала со мной разговаривать, и дяде Рубену пришлось потратить немало усилий, чтобы реабилитировать меня. Он объяснил ей, что компартия нынче не та, а что-то вроде кадетов, и Брежнев почти Миллюков.

Фамилия ее была Лазарева, по мужу графу Лазареву, который, к счастью для его семьи, скончался до революции. Позже в Вашингтоне специалисты по русской геральдике подтвердили, что граф был настоящий, умер в 1916 году и жену его звали Антонина.

– Позвонить Астре ты обязан, – повторила тетя Тоня. – Дай мне слово, что из Туниса позвонишь.

Слово я дал. И позвонил, но не сразу.

Тетю Тоню я больше не видел. Умерла она через 7 лет в возрасте 103 лет: шла за лекарством для младшей сестры и попала под машину. До последних дней сохраняла трезвый ум и, узнав, что я все-таки обосновался в США, сказала моей матери: «Наконец-то он стал мужчиной».

2. Занимательная генеалогия

Деда моего звали Аванес Саркисян. До революции он владел несколькими крупными предприятиями по изготовлению каракуля. После революции исчез, а семь его детей сделали

все возможное, чтобы скрыть родство с ним. Никто не сохранил его фамилию. Каждый выкручивался по-своему.

Проще всего поступил дядя Тевос. Он учился в Сорбонне, вел не очень праведный образ жизнь и допустил непростительную оплошность – поехал к отцу за деньгами. Но выбрал для этого крайне неудачное время – июль 1914 года. Началась война, и он остался в России. Стал левым эсером и однажды в 1918 году за час до прихода красноармейцев, явившихся его арестовать, вышел из дому подышать свежим воздухом. Вернулся через 42 года. Все это время он жил в Ташкенте, обзавелся семьей, стал уважаемым учителем биологии. А имя свое он изменил нехитрым образом: из Тевоса Саркисяна стал Саркисом Тевосяном.

Дядя Рубен так и не мог объяснить, почему у него фамилия Арунов.

Мой отец и его две сестры, Марианна и Роза, революцию встретили, обучаясь в пансионате для детей богатых родителей. После революции этот пансионат был преобразован в детский дом, что дало им основание получить документы воспитанников детского дома. В биографии на 10 листах, которую я заполнял в 1953 году для поступления в Военную академию, я так и написал: «отец – из детдомовских, родственников не имеет». В качестве фамилии они взяли несколько измененную фамилию тогдашнего гражданского мужа тети Астры.

В паспорте у отца было написано: Сергей Иванович, он же Саркис Аванесович; Агранянц, он же Агранян. «Как у рецидивиста», – говорила мать.

В семидесятые годы я узнал, что моя бабка действительно была немка и звали ее Марта Шлос (Martha Schlöß). Она уехала в Германию в двадцатые годы. Умерла во Франции после войны. У меня хранится ее фотография, где на обратной стороне написано: «Милый внук. В скучную минуту жизни вспомни свою веселую бабушку». И дата: 12 сентября 1937 года. Вспоминаю. Не только в скучную минуту, но и тогда, когда покупаю верхнюю одежду. По размеру мне подходят только немецкие костюмы и пальто.

Когда я вернулся после первой заграничной командировки, тетя Тоня выразила явное неудовольствие, на что дядя Рубен сказал ей:

– А что он будет там делать! Ты же не говоришь ему адрес Астры.

Тетя Тоня замахала руками:

– Какой Астры! Никакой Астры нет в помине.

Передавая мне подарки от бабушки или от тети Астры, тетя Тоня говорила:

– Зашла случайно в магазин, а там продается...

3. Мудрый дядя Рубен

Во время революции дядя Рубен оказался в Смольном, с тех пор хранил пропуск, на котором было написано «Лично известен» с подписью Ленина и Троцкого. Ездил по фронтам с Троцким. Не любил Сталина. Много рассказывал о том времени, называл деятелей революции «честными людьми». В 1917 году женился на выпускнице Смольного института, секретарше в Смольном, прожил с ней всю жизнь. Тетя Леля была дамой экзальтированной. Помню, однажды, еще при Сталине, в большой компании она заявила:

– Я Сталина в Смольном не помню.

Дядя ее тут же прервал:

– Как же, ты забыла. Такой красивый, с усами.

– Красивый с усами был Клим Ворошилов. Мы, девчонки, были от него без ума.

В двадцатые годы от политики дядя Рубен отошел, после одной из чисток оказался вне партии, окончил институт и стал химиком. Во время войны получил Сталинскую премию за зимнюю смазку для танков, а после ее окончания работал в различных министерствах.

Его слабостью были дамы. Однажды тете Леле попался на глаза журнал «Смена», где на обложке красовалась его фотография около каких-то замысловатых приборов, а рядом –

очень хорошенькая лаборантка и подпись: «Дни и ночи проводил лауреат Сталинской премии Р. Арунов в лаборатории». Ему было далеко за семьдесят, когда, увидев его, моя будущая жена сказала: «Какой красивый мужчина!». Он же дал мне добро на женитьбу: «Красивая девочка, умная. Можешь жениться».

4. Полезные советы

Когда я сообщил дяде Рубену, что меня берут на работу в Государственный комитет по координации, он назидательно напутствовал меня:

– Чтобы стать настоящим министерским работником, ты должен твердо усвоить два правила. Первое и самое главное: ты должен знать, что ты можешь не делать. Второе: ты должен знать, где ты якобы находишься, если тебя нет на работе.

Этими мудрыми правилами я пользовался каждый раз, когда приходил на новую работу.

5. Замечательная бумажка

С чувством юмора у дяди Рубы все было в порядке. Однажды, в 1970 году, его вызвали в военкомат. Было ему тогда больше семидесяти.

– Неужели во Вьетнаме так плохо дела идут? – спросил он, явившись в кабинет какого-то подполковника.

Оказалось, что там интересуются, нет ли у него документов, связанных с революцией.

Он протянул небольшую бумажку – мандат «Лично известен» с фотографией и подписями «В. Ульянов-Ленин» и «Л. Троцкий» с их должностями по состоянию на декабрь 1917 года.

– Это подходящая бумага? – спросил он.

– О да! – восторгу подполковника не было предела.

– Странно. А мне лет сорок говорили, что плохая, – прокомментировал он с мягким кавказским акцентом.

6. Тетя Астра

– Astra Sark à l'appareil.

Голос резкий, отчетливый. И неожиданно по-французски.

Тетя Астра. Та самая «родственников за границей не имею». Долго не решался позвонить. Тете Тоне я обещал, но...

– Это Олег.

Я хотел объяснить, она перебила:

– Знаю.

Говорила по-русски почти без акцента, а уехала из России 52 года назад. По голосу и манере разговаривать не отличишь от тети Тони.

– Я хочу тебя увидеть, пока жива. Ты где?

– В Тунисе.

– Значит, можешь сесть на самолет и прилететь сюда. Я купила тебе квартиру. Помогу с работой. Квартира в Монреале. Я сама туда думаю перебраться. Здесь, в Новом Орлеане, жарко и все говорят по-английски.

Сколько ей лет? Сестры никогда не называли свой возраст. По моим подсчетам, ей далеко за девяносто.

– Жена с тобой?

- Да.
- Мужей может быть много, но жена должна быть одна. Мужчины все разные, а женщины... Я теперь живу одна. Все завещаю тебе. Ты говоришь по-армянски?
- Отец рано умер... – я начал было оправдываться.
- Сережа тоже не говорил по-армянски. Тоня мне рассказывала, что ты такой же лоботряс, как и твой отец. В России армян отпускают к родственникам. Это верно?
- Верно.
- Сама знаю. Проверяла. Тоня передала тебе мое приглашение?
- Передала.
- Тебе будут нужны деньги на билеты. По какому адресу прислать ваучер?
- Я начал говорить что-то невнятное. Но она повторила грозным повелительным голосом:
- Адрес?
- Обычно мы давали адрес посольства, но ей я дал адрес дома, где жил в Тунисе. Если бы в посольство пришел ваучер на билеты в США, мне тут же устроили бы бесплатную поездку в Москву.
- Тоня сказала, что я больна?
- Да.
- Не верь. Но если приедешь быстро, застанешь меня в живых. Ты ведь ни разу не видел свою бабушку?
- Ни разу.
- И меня не увидишь, если не поторопишься.

7. В Луизиане действительно жарко

Беседой с тетей Астрой я остался доволен. И решил, что надо будет еще раз позвонить месяца через два. Лететь в США мы с женой не собирались, да и не верили, что она пришлет ваучер. Но о квартире в Монреале говорили часто.

Когда через полгода мы оказались в Новом Орлеане, то узнали, что квартира еще не построена и оплачена только на 60 %. Но наследником тетя Астра действительно назначила меня, и трудностей с выплатой 40 % не было.

А в Новом Орлеане на самом деле жарко и все говорят по-английски.

8. Воссоединение семей

Консульское управления МИДа прислало в посольство сводку о том, сколько людей покинуло СССР под предлогом «воссоединения семей». Она предназначалась для работы с тунисцами и должна была свидетельствовать в пользу «гуманной» политики советского правительства.

Среди уехавших больше всего было евреев, много немцев. Третьими в списке значились армяне, они воссоединялись с родственниками в США.

На одном из приемов я подошел к хорошо знавшему меня посланнику США Норману Андерсону, рассказал ему о приглашении тети и спросил, могу ли я на основании приглашения получить американскую визу. Он пообещал узнать. Через несколько дней мы снова встретились на приеме. Он сказал:

– Дело это очень сложное. Вы дипломат и по закону должны запросить визу в нашем посольстве в Москве. Но я понимаю: вы не хотите этого делать. Остается один выход – просить политическое убежище.

И тут же оговорился:

– Поверьте, я не подталкиваю вас к этому решению, просто разъясняю вам законы.

И протянул мне визитку:

– Если с вами что-нибудь случится, позвоните мне по личному телефону.

9. Как использовать документ по назначению

Тетя Астра сказала, что я ее единственный наследник. Принимая во внимание ее возраст, – она была старшей сестрой, а тете Тоне шел 95-й год – я предположил, что очень скоро Инюрколлегия начнет разыскивать человека, которому она оставила завещание, и если, когда она меня найдет, я окажусь в Москве, то с МИДом придется проститься. Другое дело, если я буду в Тунисе... Что же касается ваучера, то тетя Астра сказала о нем как-то мимоходом, и я не воспринял ее слова всерьез.

Однако через полтора месяца в почтовом ящике я обнаружил пакет из США, а внутри – ваучер на два билета Тунис – Новый Орлеан. Мне оставалось только радоваться тому, что я предусмотрительно дал адрес дома, а не посольства, ибо, приди ваучер в посольство, мы с женой первым самолетом отправились бы в Москву безо всякого ваучера.

Спрятали мы ваучер в кухонном шкафу рядом с приглашением. Прятать на работе в сейфе было небезопасно.

А потом произошли события, после которых я сказал Ларисе:

– Как бы нам не пришлось воспользоваться ваучером по назначению.

1.2. Атмосфера накаляется

10. О технике слежения

Утром, когда я ехал в посольство, впереди моего фиата мелькнуло белое пежо-505 офицера безопасности посольства Павловского.

«Что он здесь делает в такую рань? – подумал я. – Никто из кагэбэшников поблизости не живет. Следит за кем-то? Но уж больно грубо работает».

И решил: как приеду в посольство, сразу же позвоню резиденту.

Я всегда звонил резиденту, когда видел его сотрудников «в деле». Резидент делал вид, что не злится, а на самом деле злился. Наверное, потом распекал сотрудников, а они от этого работали еще хуже.

– Твой Павловский отрабатывает на мне технику слежения. Не принимай зачет, больно грубо.

– Да он мудака, – чувствовалось, что резидент разозлился. И повторил: – Ты же знаешь, что он мудака. Я ему врежу. Не волнуйся.

А я начал волноваться. Они могли найти приглашение и ваучер.

Но предположить, что все так серьезно, я тогда не мог. Я не мог догадаться, что сотрудник ЦРУ Эймс, работавший на русскую разведку, узнав про мой интерес к визе в США, сообщил, что я собираюсь эмигрировать, и добавил к донесению толику от себя. И немалую.

11. Чертовщина

Я начал замечать, что вещи в моей машине стали менять положение. А однажды обнаружил в ней тетрадь, исписанную по-арабски. Позже мне сказали, что это тетрадь записей бесед с Арафатом арабиста Коли Грибкова, который два месяца назад вернулся в Москву. Резидент, наверное, был уверен, что я сразу отнесу тетрадь в американское посольство.

Я при свидетелях передал тетрадь резиденту. Он меня поблагодарил.

А таинственные появления предметов не только продолжались, но и стали принимать совершенно мистические формы, на грани чертовщины.

Лариса обнаружила на полу в гостиной у нас дома...дохлую черную птицу. Сама она залететь туда не могла. Подбросить ее мог только тот, кто чинил утром кондиционер.

Чинили кондиционер трое – два дежурных коменданта и завхоз А. Синдеев. В Москве Синдеев работал директором крупного Дома мебели, в Тунис явно приехал для того, чтобы иметь основание объяснить наличие валюты. Посол определил его в дежурные коменданты, обращался с ним, как со слугой. Естественно, это его обижало, но он терпел. Я избрал его в члены парткома, что сразу существенно повысило его статус, и посол вынужден был назначить его заведующим хозяйством. После этого Синдеев всегда стремился выразить мне свою признательность. Кроме того, он очень не любил чекистов. Его жена работала домработницей у посла, могла слышать о грозящих мне неприятностях, и возможно, он решил предупредить меня об опасности таким странным «восточным» образом.

12. Гость из Москвы

– К резиденту приехал гость из Москвы, – сказал мне дежурный комендант.

Я отправился в консульский отдел и – как говорят французы: только скажешь «волк», сразу увидишь его хвост, – в дверях отдела столкнулся с человеком, который уже пару раз приезжал в посольство в качестве «гостя» резидента.

Приземистый, сутулый, с обезьяньим лицом, про таких говорят, что им нужно покупать два билета в зоопарк: один для входа, другой для выхода. Он обычно прилетал, когда надо было контролировать отъезд кого-нибудь в Москву и кагэбэшники боялись, как бы вместо «Аэрофлота» отъезжающий не сел на самолет в Европу.

– Опять к нам? – спросил я его.

– Дела, – ответил он.

А потом меня вызвал посол.

13. Посол

Кабинет посла встретил меня арктическим холодом и удушающим запахом лекарств. Год назад у посла приключился инфаркт, и теперь он держал температуру в кабинете на пять градусов ниже, чем в остальных помещениях посольства, и принимал какие-то замысловатые снадобья.

По привычке я посмотрел на выключатель противоподслушивающей системы. Если система выключена, то разговор пойдет несекретный и, как полагала служба безопасности, опасаться подслушивания западными спецслужбами не надо. Сегодня система была выключена, стало быть, ничего серьезного.

Сухо поздоровавшись, посол протянул фиолетовую папку, из которой торчал желтый листок. Входящая телеграмма: «С 25 по 30 мая в Центральном комитете будет проходить совещание секретарей партийных комитетов. В работе совещания примет участие первый секретарь ЦК КПСС тов. Горбачев М. С. От вас на совещание приглашаются секретарь парткома и посол (на правах гостя). Секретарю парткома будет предоставлена возможность выступить с сообщением о работе партийной организации. Оплата проезда самолетом «Аэрофлота» первым классом в оба конца за счет Центрального комитета».

Посол посмотрел в календарь:

– Ближайший рейс «Аэрофлота» – во вторник двадцатого. Из Москвы вернемся третьего июня. Если вы не против, встретимся в понедельник и окончательно все уточним?

Я согласился.

Я знал, что совещание секретарей парткомов заграничных коллективов проводится в ЦК партии раз в два года и что следующее назначено на август. А сейчас май. Что это? Изменение сроков или повод отозвать меня в Москву? Это нужно было сразу проверить.

14. Кудрявцев

Я с трудом припарковал машину у советского культурного центра и не торопясь направился в сторону авеню Бургиба.

У ресторана «Саламбо» остановился. С улицы я увидел, что внутри свободен только один столик. Я вошел в ресторан. Не ожидая метра, сел за этот столик и сделал нехитрый заказ: стейк и бокал тунисского вина. Если верить Флоберу, это вино до сих пор делается по рецептам финикийцев, которые когда-то здесь жили. Получив стейк, я написал на салфетке номер телефона советского посольства в Марокко и попросил официанта связать меня с месье Кудрявцевым.

Через пару минут официант подошел:

– Месье Кудрявцев у аппарата.

Мой старый знакомый Виктор Кудрявцев выполнял в Марокко функции секретаря парткома, поэтому, если в Москве действительно собирали всех секретарей, его должны были пригласить тоже.

- Когда в отпуск?
- В августе.
- Хочешь совместить с совещанием?
- Да.

Итак, совещание не перенесено. Совещание будет в августе, а сейчас май. Значит, совещание – это только повод для того, чтобы отправить меня в Москву. Теперь понятно, почему приехал гость.

Это означало, что выход у меня теперь только один. И действовать надо быстро.

Я набрал номер телефона американского посланника.

- Норман Андерсон у телефона.
- Я хотел бы с вами встретиться.

1.3. Наша страна

15. Вопрос, который не давал покоя посланнику

– Тогда в Тунисе после беседы с вами, – рассказывал мне потом в Вашингтоне Андерсон, – я вызвал к себе нашего сотрудника, отвечающего за безопасность, сообщил ему о вашей просьбе и добавил, что хорошо знаю вас и убежден, что вы не провокатор, а действительно хотите переехать к тете в Новый Орлеан. К моему удивлению, он сразу согласился со мной и срочно запросил Вашингтон. С моих слов он написал, что вы человек с исключительным IQ и нет оснований предполагать, что вы действуете по заданию КГБ. Ответ пришел через несколько часов. Очевидно, они просмотрели бумаги, которые мы писали о вас раньше. Нам сообщили, что вам нужно помочь.

Он помялся, потом нерешительно произнес:

– Мне не дает покоя один вопрос. Я все время хотел вам его задать, но не решался.

– И о чем вы хотите меня спросить?

– Когда в тунисской гостинице мы с вами шли на встречу с нашим сотрудником, я очень нервничал. Когда мы проходили какой-то коридор, вы вдруг остановились, сделали шаг в сторону и куда-то посмотрели. Я испугался. Потом мы пошли дальше. Я на всякий случай ничего не рассказал нашему сотруднику. Вы помните этот случай?

– Конечно.

– И что это было?

– В большом зеркале отражался зал, где голые девушки танцевали у шеста.

– Really?

– Really!

И мы долго смеялись.

Мы еще с полчаса поболтали и разошлись. Больше я его не видел.

Позже он напишет обо мне: «Extremely intelligent» (Tim Weiner, David Johnston and Neil A. Lewis. Barnes amp; Noble, New York. 1996).

16. Ночной звонок

Лера, одна из сотрудниц русского отдела ЦРУ, рассказывала мне потом о том, как в Вашингтоне отреагировали на мою беседу с Андерсоном.

– Нас вызвали в пять утра, сразу же после того, как пришла телеграмма из Туниса. Мы собрали все бумаги, которые были о вас, понесли начальству, а там сказали, что решат без бумаг. Мы стали ждать. Сидели и волновались. Ходили за сэндвичами по очереди. Но решали очень долго. Решили только на следующее утро. Без помощи военных организовать вашу эвакуацию было нельзя.

Позже мне рассказывали историю, в правдивости которой я не был уверен, но которую сам охотно пересказывал.

Директор ЦРУ У. Кейси позвонил ночью президенту Р. Рейгану. Тот спал.

– Срочно нужна помощь, чтобы вывезти в Штаты нашего человека.

– Позвони Каспару, скажи, что я дал согласие, – не задумываясь, ответил президент.

Кейси позвонил К. Уайнбергеру:

– Согласие президента есть.

– А я бы и без Рони согласился, – засмеялся министр обороны.

17. По-русски только по понедельникам

Олег С. прилетел из Вашингтона через три дня после моей беседы с Андерсоном.

– Здесь вам оставаться нельзя, и лететь в Москву тоже нельзя, – сразу же начал он. Это я знал.

Он помолчал и потом торжественно провозгласил:

– Правительство Соединенных Штатов приглашает вас и вашу супругу в нашу страну.

Я поблагодарил и сказал:

– Вы хорошо говорите по-русски.

Он весело ответил:

– Только по понедельникам.

Олег безупречно говорил по-русски и не был похож на трафаретного агента ЦРУ. Тогда я, разумеется, не знал, что потом в течение почти двадцати лет мы будем каждый май отмечать наше знакомство и каждый раз, встретившись, я буду удивляться:

– Вы хорошо говорите по-русски!

И он – отвечать:

– Только по понедельникам.

Не знал, что через двадцать два года мне позвонит его жена Ира и скажет: «Сегодня ночью Олег умер».

Как-то мы с Олегом и с женами сфотографировались в Нью-Йорке вместе с картонной фотографией Рейгана. Получилось настолько удачно, что я выставил фотографию на столе, и никто не сомневался в ее подлинности.

И сейчас эта фотография передо мной.

18. Наша страна

Олег С. сопровождал нас до Вашингтона. По прилету он сказал:

– Добро пожаловать в нашу страну! Теперь это и ваша страна.

Страна стала «нашей» только через девять лет, ибо для членов КПСС закон предусматривал карантин в 10 лет. Лариса не состояла в партии, но как верная подруга проходила карантин вместе со мной. Год нам скостила министр юстиции Д. Рено. Когда к власти пришел Б. Клинтон, он назначил эту достойную даму министром юстиции, и она тут же отменила закон о карантине для членов партии. Правда, к тому времени партии уже не существовало.

Как говорится, на нет и суда нет.

19. Мой путь

Так начался мой путь со Смоленской площади, где располагается Министерство иностранных дел СССР до предместья Вашингтона Лэнгли, штаб-квартиры ЦРУ.

Собственно говоря, и до Смоленской площади я добрался не сразу. Путь мой был тернистым.

2. Восхождение в номенклатуру

2.1. Комитет, который был не нужен

20. Не забывайте о галстуке

Должность эксперта Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ при Совете министров РСФСР была номенклатурной. Это означало, что для утверждения на эту должность я должен был пройти собеседование с председателем Совета министров РСФСР Д. Полянским, который к тому же был членом политбюро ЦК КПСС.

Я и еще несколько человек ждали встречи с Полянским не одну неделю, и вдруг неожиданно нас уведомили, что через полчаса Полянский нас примет. Мы явились в Совмин. Было лето, и я пришел без галстука. Полянский спросил:

– Почему без галстука?

Я невнятно промямлил: мол, жарко. На что Полянский ответил:

– Я чувствую, вам будет жарко работать в правительственных организациях.

К счастью, за этими словами ничего не последовало, и я был утвержден сначала экспертом Бюро специальных переводов, а потом экспертом отдела химии Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ при Совете министров РСФСР.

Так началось мое «восхождение в номенклатуру».

21. На любой невыполнимый приказ есть легковывполнимый доклад

Однажды я присутствовал на совещании, которое проводил председатель комитета Павел Иванович Аброскин.

Совещание Аброскин начал спокойно:

– Вчера вечером, часов в восемь, мне понадобилась справка по цветной металлургии. Звоню в отдел цветной металлургии. Никого. Ну, думаю, знаю я вас: пьете чай в отделе черной металлургии. Звоню туда. Никого. Звоню в отдел геологии. Никого. Звоню вахтеру. И что узнаю!

Голос его крепчал:

– Оказывается, все ушли еще в пять часов!

Наш рабочий день заканчивался в пять часов.

Аброскин продолжал:

– Ну, думаю, теперь все так работают. Звоню в Совмин. Все на местах. Звоню в ЦК. Все на местах.

Он сделал паузу и закончил:

– Руководители отделов, к двенадцати часам представить мне список сотрудников, без услуг которых мы могли бы обойтись. По два на отдел. Совещание окончено.

– Что вы будете делать? – в ужасе спросил я у Д. Жимерина, заведующего отделом энергетики.

Опытный хозяйственник, всю войну проработавший министром электростанций, успокоил меня:

– Ничего страшного. Напишу фамилии самых нужных работников. Он не станет их увольнять.

- Получится? – не поверил я.
- Со Сталиным получалось – и с Аброскиным получится.

Находившийся рядом заведующий отделом геологии, бывший министр геологии А. Сидоренко засмеялся:

- Учись. На любой невыполнимый приказ есть легковывполнимый доклад.
- И действительно получилось.

22. Тайный полет

Делегация французских нефтяников должна была лететь в Уфу. Уфа тогда была городом закрытым, иностранцев туда не пускали, но по чьему-то начальственному благословению французам разрешили посмотреть Ново-Уфимский нефтеперерабатывающий завод. Я должен был сопровождать делегацию.

Мне сказали, что самолет вылетит из Внуково, хотя по расписанию он должен был лететь из Шереметьево.

Мы прибыли во Внуково в восемь утра. Никаких объявлений. Ждем. Через час к нам подошел какой-то человек и сказал мне по секрету, что самолет сейчас в Шереметьево, там он возьмет пассажиров, прилетит сюда минут через сорок. Ждем. Прошел еще час. Снова появился тот же человек и сказал, что самолет вернули в Шереметьево, там высадят всех пассажиров, и потом он прилетит к нам.

Через час он снова подошел к нам и сказал, что самолет уже во Внуково и мы можем пройти на борт. Что мы и сделали. Кроме нас в самолете пассажиров не было. Не было даже стюардесс. Взлетели.

Примерно через час ко мне подошел приехавший с французами переводчик, мой старый знакомый граф Николай Александрович Черкезов:

- Мне кажется, что мы возвращаемся.
- Я удивился:
- Почему вы так решили?
  - Сначала солнце было спереди, а теперь сзади.

Ничего не поделаешь.

Еще через полчаса он снова подошел ко мне:

- Мне кажется, мы снова повернули.
- Через час вышел член экипажа и сообщил:
- Через десять минут посадка в Куйбышеве.

Отмечу, что в те годы Куйбышев был еще более закрытым городом, чем Уфа.

В Куйбышеве нам разрешили выйти из самолета, и мы минут десять погуляли по летному полю. Потом нас провели в другой самолет.

Когда мы поднялись в этот самолет, то увидели, что все окна в нем заклеены.

На этом самолете мы и добрались до Уфы.

Отмечу, что назад мы летели обычным рейсовым самолетом, с пассажирами, с остановкой в Куйбышеве, где вместе со всеми вышли в зал ожидания. Очевидно, на этот раз бдительные товарищи про нас просто забыли.

23. Помнить об огурце

В Уфе нас принимал председатель совнархоза, фамилию забыл. После короткой вступительной беседы нас отвели в зал, где был накрыт стол. И начались тосты.

На следующее утро меня разбудил переводчик французской стороны граф Черкезов:

- Олег Сергеевич, голубчик, спасайте. Там происходит нечто ужасное.

Я быстро оделся, и Черкезов повел меня в столовую. Там я увидел председателя совнархоза и моих французов, перед каждым стоял огромный фужер с водкой и более ничего.

Увидев меня, председатель встал и приказал:

– Скажи французам, чтобы пили. У нас так принято.

Я начал слабо возражать, но после его грозных слов «Ты-то сам за кого?» понял, что мне может не поздоровиться.

Всепонимающий Черкезов испугался за меня:

– Может быть, можно что-то предпринять? – спросил он.

А председатель не отступал:

– Пусть пьют.

И тут, к удивлению французов, я начал кричать на председателя:

– Это безобразие! Как вы можете! Это иностранцы. Они не могут пить утром водку без закуски!

– Не могут без закуски? – удивился председатель. – Ладно.

Он дал приказ официанту, и тот мигом принес каждому по свежему огурцу.

– Объясните, что нам надо делать, – попросили меня французы.

– Все очень просто, – ответил я. – Начинайте пить и думайте об огурце. Думайте только об огурце. Когда все выпейте, моментально съешьте огурец.

Они так и сделали.

После этого два официанта стали приносить закуски. Повеселевшие французы накинлись на еду и не отказывались от следующих тостов, правда, пили уже из рюмок.

– А ты молодец, – похвалил меня председатель. – Переходи ко мне на работу. У меня часто бывают делегации.

Я вежливо отказался. Теперь задним числом думаю: а не совершил ли я ошибку?

24. Бдительность прежде всего

После завтрака с обильным количеством спиртного французскую делегацию повезли на Ново-Уфимский нефтеперерабатывающий завод. Дело было летом. Жара и длительные переходы привели немолодых французов в некондиционное состояние, и они с трудом соображали, о чем им рассказывают.

Вдруг ко мне подошел тип в темном костюме и замызганном галстуке:

– Вы сопровождающий из Москвы?

Я подтвердил.

– Прекратите это безобразие.

Я поинтересовался, какое. Он показал на председателя совнархоза.

– Он им показывает сверхсекретные установки.

– Скажите ему сами.

– Я пробовал, он не понимает.

Я попытался успокоить служивого человека и сказал, что французы очень пьяны и ничего не соображают, но он не отставал:

– Скажите председателю. Вы же из Москвы.

Я подошел к председателю и рассказал ему о разговоре с бдительным человеком.

– Ладно, – отчеканил он. – Приму меры.

Через пять минут появился какой-то субъект с чемоданчиком. Он отозвал бдительного человека в сторонку. И я увидел, как из чемоданчика он вынул бутылку коньяка.

Через полчаса я встретил этого человека. Он улыбался и меня не узнал.

25. Завод-невидимка

Государственный комитет по координации научно-исследовательских работ был заведением совершенно ненужным.

Наша работа состояла в составлении бумаг и их пересылке. Мы требовали от научно-исследовательских институтов прислать нам предложения по поводу того, какую новую технику надо бы купить за рубежом. Потом, снабдив эти предложения стандартными сопроводительными, направляли их в Госплан. Получив одобрение Госплана, где их, естественно, никто не читал, пересылали в Министерство финансов. Получив согласие Минфина, пересылали в Министерство внешней торговли. Через пару лет внешторговцы сообщали нам, что оборудование закуплено.

Дальше «работали на опережение».

Мы выбирали заводы, куда, по нашему мнению, нужно было поставить это оборудование, и обращались с предложением в Госнаб, чтобы он разослал оборудование по этим заводам, а сами следили, как заводы внедряют это оборудование. Если не внедряли, мы лишали их премий. Поэтому перед концом квартала у нас появлялись гонцы с мест и норовили водить нас по ресторанам. Делалось это для того, чтобы мы поскорее «вошли в правительство» с просьбой перенести внедрение новой техники на следующий год.

Как-то кирпичный завод в Камышине не прислал нам отчет о тех преимуществах, которые он получил, внедрив присланную нами технику. Не прислал раз, не прислал другой. Мы ему – грозное письмо: снимем премию. Не отвечает. Мы ему – письмо еще более грозное. В ответ – молчание.

Так продолжалось два года. Однажды наш сотрудник по каким-то делам должен был отправиться в Саратов. Начальство приказало ему заехать в Камышин и разобраться с непокорным кирпичным заводом.

Он поехал и выяснил. Оказалось, что такого завода нет. Его должны были построить, но не построили. А по нашим бумагам он числился построенным. Куда попала купленная с нашей подачи импортная техника, никто не знал.

Словом, «опередили».

26. Сухие задницы французов

Однажды я попал в Волгоград с большой делегацией французских промышленников. Они приехали со своим переводчиком, моим старым знакомым графом Н. Черкезовым. Волгоградский совнархоз (было это во времена совнархозов) выделил в качестве сопровождающей девицу по имени Татьяна, которая сразу меня предупредила, что если французы будут к ней приставать, она даст решительный отпор. Я заверил ее, что французы будут вести себя прилично хотя бы потому, что самому младшему из них был 71 год.

Заключительный прием устроили на теплоходе. Татьяна села между мной и Черкезовым.

– Как это неприлично – пить рюмку не до конца! – возмутилась она.

– Произнеси тост и попроси их выпить до конца, – посоветовал я.

– Я так и сделаю.

Через минуту она спросила:

– Как по-французски «до дна»?

– À cul sec.

Татьяна насторожилось: «Странное сочетание» – и решила проверить у Черкезова. Тот подтвердил. Она опять не поверила и попросила меня объяснить, что оно означает.

– «À» – предлог, «sec», – сухой, «cul»...

Тут я замялся, ибо это слово по-французски означает «ж...», хотя в сложившемся словосочетании «à cul sec» оно совершенно незаметно.

– Донышко стакана, – выкрутился я. – Чтобы донышко стакана стало сухим.

И она произнесла тост. А в конце решила удивить знанием грамматики и употребила форму *subjonctif*:

– Je veux qu'après mon toast vos culs soient secs.

А это означало: «Я хочу, чтобы после моего тоста ваши ж...ы оставались сухими».

Французы замерли. Потом их руководитель, холеный аристократ со звучной фамилией Фантон д'Андон, произнес:

– А почему бы и нет! Я еще никогда не пил за это. *C'est bien maternel tout de même* («Это очень по-матерински, в конце концов»).

Позже на заключительной беседе у Косыгина господин Фантон д'Андон отметил:

– Прием был исключительно теплым, а в Волгограде даже материнским.

27. Веселый академик

Академик Спицын водил гостей-французов по вестибюлю гостиницы «Украина» и объяснял им:

– Это – ресторан, где вы можете пообедать. Это – лифт, на котором вы можете подняться в номер.

И другие не менее полезные вещи.

Французы понимали, что в ресторане обедают и что на лифте поднимаются, но вежливо кивали головами, выражая нечто вроде удивления.

Я терпеливо ходил сзади. Я знал, что люди, слабо владеющие иностранными языками, любят удивлять своими познаниями.

Наконец они подошли к почтовому киоску.

– Это почта, – проинформировал гостей академик. – Здесь вы можете купить марки и конверты.

Слово «конверт» французское. Из-за ошибки какого-то переписчика или по какой-то другой причине это слово вошло в русский язык не как «куверт», а как «конверт». Академик этого не знал. И произнес:

– Ici vous pouvez acheter timbres et converts.

Но *con* по-французски означает «женский половой орган» в самом вульгарном звучании, а *vert* – зеленый или очень молодой.

Словом, академик предложил гостям очень молоденькие п...

Гости обалдели. Один из них понял, что здесь какая-то ошибка, и спросил, пользуется ли уважаемый ученый этими *cons verts*?

– Да, – бодро ответил академик.

Француз не отставал:

– У нас это дорого.

– А у нас очень дешево, – с гордостью за отчизну отчеканил академик.

В машине я объяснил французам ошибку академика. Они так хохотали, что испугали шофера.

28. Синтетический виноград

Опытный переводчик Дима Турчанинов учил меня: «Переводчик должен пить через тост». Иногда я нарушал это правило.

Однажды в Волгограде после обеда с большим количеством тостов французскую делегацию повезли осматривать клуб Волгоградского нефтеперерабатывающего завода. Нас привели в зал, где были установлены макеты различных агрегатов.

– Не надо нам подробно рассказывать, – попросили меня французы. – Говори только, что производит каждый агрегат.

Мы подошли к огромному макету.

– Что производит эта установка? – бодро спросил я.

– Синтетические смолы, – ответили мне.

И я допустил ошибку. Вместо *résine* («смола») произнес *raisin* («виноград»).

– Синтетический виноград? – удивились французы.

Я переспросил. Мне подтвердили.

Французы оживились:

– И его можно употреблять?

Я снова спросил. И снова мне ответили утвердительно. После чего я повел французов дальше.

На следующий день за завтраком мы разобрались, в чем дело, и французы еще долго подшучивали надо мной. В одном из писем ко мне руководитель делегации потом написал:

– Вчера мы с дочкой ели виноград. Он был очень вкусный, но до синтетического из Волгограда ему далеко.

29. Водку стаканами

Везем большую делегацию в Ригу. Нам выделен отдельный вагон. Утром мы, трое ребят, приходим в двухместное купе, где разместились девочки-переводчицы. Открыли бутылку водки. Рюмок, естественно, нет, используем вагонные стаканы. Налили водку, и вдруг открывается дверь. На пороге – заведующий отделом, руководитель делегации М. Шацкий, детина под два метра ростом и весом под сто килограммов. Мы замерли со стаканами в руках.

Шацкий взял один стакан, понюхал и громовым голосом прорычал:

– Утром!? Водку!? Стаканами!?

Мы молчали.

– Наливайте.

Мы тут же налили стакан, хотели предложить закуску – малосольный огурец. Шацкий отказался:

– Здоровье не позволяет.

И залпом выпил стакан.

30. Трудный день

К спиртному тогда было отношение особое.

Помню, я был включен в состав делегации, проверявшей работу Ленинградского совнархоза.

Утром, часов в восемь, нас принял второй секретарь горкома Б. А. Попов. Он пригласил нас в свой кабинет. На столе стояли большие фужеры. Помощник Попова налил в них коньяк. Кто-то из наших стал робко возражать.

– Надо, надо, – назидательно оборвал его Попов. – День будет трудный, потом не успеем.

31. Нелюдим

– Странный человек, – указывая на меня, сказал переводчик Юра Серегин человеку в синем костюме.

Я считал чемоданы. Их было около сорока. Делегация, с которой мы с Юрой работали, прилетела из Адлера в Ленинград. Чемоданы делегатов привезли из аэропорта в гостиницу «Европейская», где мы должны были жить три дня, и я их считал.

Человек в синем костюме был англичанином, владельцем нескольких такси в Лондоне. Юра познакомился с ним и его дочерью, девушкой лет двадцати, в самолете; они тоже летели из Адлера в Ленинград.

Юра продолжал сокрушаться:

– Странный человек. Прилетел на три дня, а взял с собой сорок чемоданов.

Англичанин удивился, а Юра не останавливался:

– Ну скажите: зачем человеку нужно сорок галстуков, если он приехал на три дня?

– Он, наверное, очень богат? – предположил англичанин.

Юра только развел руками.

– Вы с ним знакомы? – заинтересовался англичанин.

– Это мой друг. Мы вместе учились в Сорбонне.

– Он холост?

– Да.

– Познакомьте меня с ним, – попросил англичанин. – Меня и мою дочь.

Юра понял, что зашел слишком далеко, и начал отступать:

– He is a fantastically unsociable («Он фантастически нелюдим»).

На англичанина эти слова никакого впечатления не произвели, и Юра продолжал:

– He is misogynist. («Он женоненавистник»).

И эти слова не произвели впечатления.

– И вообще, он, знаете...

Юра развел руками. Англичанин понял, отошел и более не приставал.

32. Случай с лордом

Все переводчики английского языка были заняты, и я должен был встречать лорда-хранителя лесов Великобритании Генри Джорджа.

Это был еще старый Шереметьево, и все прилетевшие умещались в одном небольшом зале.

Я выбрал мужчину посolidнее и спросил, не он ли господин Джордж. На что тот достаточно невежливо ответил.

– Нет.

Я спросил громко:

– Нет ли здесь господина Джорджа?

Никто не отвечал.

Прилетевшие начали расходиться, а тот солидный мужчина, к которому я обратился ранее, не уходил. Я набрался смелости, подошел к нему еще раз и на как можно более понятном английском языке спросил:

– Не вы ли господин Джордж?

– Нет, – так же грубо ответил он.

Все прилетевшие разошлись. В зале остался только невежливый субъект. Я решил, что лорд не приехал, и вышел на улицу.

– Эй, – услышал я голос невежливого господина, который почти бежал за мной. – Вы, кажется, искали Джорджа?

– Да, – удивился я.

– Так это я. Меня действительно зовут Джордж.

Я решил, что имею дело с больным или уж очень экстравагантным лордом.

В машине он дал мне свой паспорт... И я понял ошибку. У нас было написано «Генри Джордж», а он был Джордж Генри. Джордж – это было его имя.

И обращение к нему по имени звучало примерно так же, как если бы я подошел к Андрею Андреевичу Громыко и спросил:

– Это ты, Андрюша?

33. Дело вкуса

В том же старом Шереметьево со мной произошла смешная история.

Я ждал самолет, на нем должна была прилететь делегация, с которой мне предстояло работать. Самолет все не прилетал, и я направился во вполне естественное место. Там же и услышал, что самолет, которого я ждал, совершил посадку.

Я заторопился и почти побежал в зал прилета. По дороге заметил двух молодых женщин. Одна показалась мне очень красивой. Я так на нее засмотрелся, что чуть было не сшиб другую. Извинился и пошел дальше.

– Ну как она? – приставали потом ко мне девчонки из «Березки».

– Кто? – не понимал я.

Оказалось, что я засмотрелся на переводчицу, а чуть было на сбил с ног... великую итальянскую актрису Джину Лолобриджиду, красотой которой восторгался тогда весь мир. А я на нее и внимания не обратил. Потом я смеялся: «Я сталкивался с Лолобриджидой».

34. Голос крови

В комитете по координации работал переводчиком мой приятель Вадим Шмид. Естественно, переводчиком немецкого языка. Сам он утверждал, что родственников-немцев у него не было.

Однажды он потерял папку с документами, среди которых были справка о рождении и еще какие-то важные бумаги. Несколько нотариусов, уж не помню, по каким соображением, отказались делать ему копии. Но один нашелся. Небольшого росточка, как потом описывал его Вадим, щуплый, с лысиной.

Он сделал ему все документы, взял мало, а когда Вадим уходил, сказал:

– Sie haben eine gute deutsche Familienname. Aber «t» haben sie verloren («У вас замечательная немецкая фамилия. Но «т» вы потеряли»).

– Сказал он это таким четким командным голосом, – рассказывал потом Вадим, – что я машинально вытянул руки по швам и отчеканил: «Jawohl».

35. Будни отдела

Вадим Шмид немецкий знал в совершенстве, но по-французски – ни слова.

Однажды наша французская переводчица Соня Бойцова сделала новую прическу и в один день превратилась в красивую девушку. Вадим спросил меня, как сказать по-французски: «Ты очень красивая». Я сказал: «Je veux coucher avec toi», что означало: «Я хочу с тобой

переспать». Вадим выучил фразу, подошел к Соне и выпалил: «Je veux coucher avec toi», за что тут же, естественно, получил пощечину.

Пока шло разбирательство, я счел за благо смыться, предупредив, что два дня буду в библиотеке.

Мирил их наш зам, добрейший Олег Зайцев. Он был поклонником полных дам, про мою изящную супругу говорил: «Идет, гремит костями», зато, глядя на упитанную женщину со странной фамилией Гаввага, сокрушался: «Такая полная дама – и не замужем, странно как-то». У него были жена и любовница, обе полные и настолько похожие друг на друга, что их можно было спутать.

Когда я явился через два дня, мир был установлен. Олег мне сказал:

– Вадим ошибся в порядке. С женщинами надо сначала: «Ты очень красивая», а потом сразу, пока не опомнилась: «Я хочу с тобой переспать». А он наоборот. Молодой еще.

36. Комсомольский патруль

Уж не знаю, с какого бодуна, но председателем комитета вместо самодура и администратора Павла Ивановича Аброскина был назначен интеллигентнейший Николай Федорович Краснов, доктор технических наук, профессор аэродинамики Высшего технического училища имени Н. Э. Баумана.

Однажды через недели две после своего назначения он пришел на работу в десять минут десятого и... был остановлен комсомольским патрулем, контролировавшим своевременный приход на работу.

Машинистка по имени Лариса, которая не знала его в лицо, строго спросила, в курсе ли он, когда начинается рабочий день. Он вежливо ответил, что да. Она спросила его, знает ли он, что опаздывать нельзя. Он ответил, что знает. Прочтя ему небольшую нотацию о необходимости вовремя приходить на работу, она наконец заинтересовалась его фамилией и только тогда поняла, что перед ней председатель комитета.

Весь день я, тогда секретарь комсомольской организации, ожидал вызова к начальству. Но нет, все обошлось.

Через пять месяцев Николай Федорович вернулся на кафедру аэродинамики, а кабинет председателя комитета снова занял грозный Павел Иванович Аброскин.

А строгая машинистка Лариса через полгода стала моей супругой, с которой мы мирно и дружно живем уже больше 50 лет.

37. Как меня спас комсомол

В воскресенье 24 декабря 1961 года все сотрудники комитета были приглашены на воскресник. Я работал в комитете всего несколько месяцев, и уваливать было нельзя. Мы с моим товарищем Вадимом Шмидом решили взять с собой спиртное. Решить-то решили, а договориться, кому покупать, забыли. И купили оба. А так как покупали в ближайшем с комитетом магазине, то оба купили единственную имевшуюся там водку – «Горный дубняк».

Каково же было мое изумление, когда в автобусе, который должен был везти нас на воскресник, я увидел двух заместителей председателя комитета и секретаря парткома. Объяснялось это просто: официально мы должны были что-то убирать в пионерлагере, но на самом деле ехали за елками.

Четверо местных рубили елки, а мы им помогали. Елки погрузили в специально пригнанный из Москвы грузовик. А потом нас пригласили в столовую. Там было пиво. Мы с Вадимом взяли пустые кружки и вылили туда содержимое наших бутылок. Это не привлекло внимания, так как отличить наш «дубняк» по цвету от пива было невозможно.

Мы набрали еды и сели за самый дальний столик.

И вдруг к нам подсаживается... секретарь парткома.

– Пиво пьете? Это хорошо.

Хорошо-то хорошо. Но пиво пьют не так, как отвратительный на вкус «Горный дубняк».

Вадим, как он мне потом рассказывал, решил: надо пить первым. Взял кружку и начал пить. Пил быстро, большими глотками. Поставил кружку на стол, поморщился:

– Не люблю теплое пиво.

Теперь выпить залпом пол-литра «Горного дубняка» должен был я. Если не выпью, подведу Вадима.

Я смотрел на желтую жидкость и понимал, что выпить залпом целую кружку отвратительной водки мне не по силам.

Мы разговаривали о том о сем. Я ловил взгляд Вадима. Он понимал мое положение.

И я нашел выход. Спас комсомол. Я незаметно снял комсомольский значок, выпрямил булавку. Потом взял кружку «дубняка» и начал пить. Через несколько мгновений, когда понял, что дальше пить не могу, вколол булавку в ногу. Боль была страшная. Но... теперь я мог пить спокойно.

Где-то на половине кружки я остановился и улыбнулся. Вадим потом рассказывал: он тогда решил, что я тронулся. Но я спокойно допил кружку и со словами: «Воду добавляют» – принялся за еду.

Потом я долгое время носил значок. На всякий случай.

38. Делегация лесников и туалеты

– Так мы все-таки не поедem осматривать отхожие места? – спросил меня главный смотритель лесов Италии.

Сочи, делегация ООН по проблемам лесного хозяйства, перевод на два языка: сначала на английский, потом на французский. Представитель сочинской администрации объявляет программу на день:

– А потом мы посетим парк, где вы будете иметь удовольствие осмотреть самшитовую рощу.

После того как моя коллега перевела эту фразу на английский, делегаты начали недоуменно переглядываться. Я понял, что она допустила какую-то ошибку. Теперь моя очередь переводить на французский. Делегаты с любопытством смотрели на меня: практически все говорили на двух языках.

Переводчик не обязан знать, как переводится на иностранный язык слово «самшит». Это слово достаточно редкое, но оно было в программе, и я заблаговременно нашел его в словаре: «самшит» – le buis. Поэтому перевел:

– Et ensuite nous visiterons le parc où vous aurez le plaisir de voir le bois de buis.

Делегаты облегченно вздохнули.

Позже я узнал: английская переводчица решила, что слово «самшит» интернациональное, и у нее получилось: «And then we shall visit park where you will have pleasure to see a grove of some shit», что означало: «Потом мы посетим парк, где вы будете иметь удовольствие осмотреть рощу с дерьмом».

39. ДОСААФ и рыбец

Однажды один ответственный товарищ в Волгограде объяснял немецким специалистам:

– До войны на месте заводского клуба располагалась школа ОСОАВИАХИМа.

Переводчица молчала. Он спросил ее:

- ОСОАВИАХИМ трудно перевести?
- Трудно, – призналась она.
- Тогда скажите просто: не ОСОАВИАХИМ, а ДОСААФ.

В Ростове такой же начальник рассказывал французам о рыбе. Речь зашла о рыбе под названием «рыбец».

– Ты объясни им, – сказал он переводчику. – Бывает баба, а бывает бабец. Так и рыба. Бывает рыба, а вот эта – рыбец.

Переводчик Юра Серегин, не моргнув глазом, рассказал французам какой-то анекдот. Они засмеялись. Все были довольны.

40. Грозный Аброскин

Когда я переходил из Комитета по координации в райком комсомола, от райкома партии мое новое назначение курировал третий секретарь райкома Павел Иванович Груздов.

Однажды, когда я уже сидел в кабинете секретаря райкома, мне позвонила секретарша:

– Павел Иванович хочет с тобой побеседовать.

Сначала общие слова, потом Павел Иванович спросил:

– Как у тебя на работе? Нет препятствий?

А препятствия были. Мой непосредственный начальник Н. Бушмарин вел себя непорядочно. В лицо говорил одно, за глаза другое. Ставил палки в колеса по мелочам. Я все и рассказал.

По мере моего рассказа и реакции собеседника я понял, что беседую не с Павлом Ивановичем Груздовым, а с самим Аброскиным, тоже Павлом Ивановичем.

Реакция Аброскина была мгновенной и жесткой. После разговора со мной он сразу же вызвал Бушмарина. И вернулся тот только через несколько месяцев. Прямо из кабинета Аброскина его увезла скорая помощь. Вряд ли у него остались обо мне хорошие воспоминания.

До работы в комитете Аброскин был директором Новочеркасского электровозостроительного завода. После его ухода там в 1962 году произошло легендарное восстание рабочих. Одним из требований восставших было возвращение на завод Аброскина. И Аброскина немедленно вернули в Новочеркасск.

А в том кабинете, из которого я с ним разговаривал по телефону, через полтора десятка лет заседал секретарь райкома Михаил Ходорковский.

41. Память о человеке

Одним из заместителей председателя комитета был некто Борис Николаевич Попов (отчество, может быть, путаю). Человек он был не просто крутого, а очень крутого нрава. И глуп. Что в сочетании с крутым нравом делало работу с ним трудной. До комитета он работал председателем совнархоза (при Хрущеве были такие) в Волгограде.

Когда я однажды оказался в Волгограде, то с удивлением узнал, что там его еще помнят, хотя он уже пять лет работал в Москве. Более того, каждый год празднуют день, когда он был переведен в Москву.

42. Спасительный идиотизм

В Адлер делегация ООН должна была лететь на самолете. Переводчица Лида Ганина летела первый раз в жизни и очень боялась. Когда мы начали рассаживаться по креслам, мимо нас провели совершенно пьяного, еле державшегося на ногах моряка, капитана второго ранга.

– Смотри-ка, – сказал я Лиде, – абсолютно пьяный! Как он будет вести самолет!

Лида, естественно, приняла моряка за пилота, от страха начала трястись и попросила у переводчицы Наташи лекарство от сердца.

Чтобы исправить положение, переводчик Юра Серегин отправился к пилотам и заявил, что, так как среди пассажиров много армян, он готов переводить объявления на армянский, которого он, естественно, не знал. Когда он принялся на весь самолет нести абракадабру, да еще с карикатурным акцентом, Лида начала смеяться:

– Это же идиотизм!

– Тебе нужно лекарство от сердца? – спросила Наташа.

– Нет, – отвечала Лида. – Полегчало.

43. Берта Львовна

За месяц до свадьбы у меня разболелись зубы. Сразу два. Справа и слева. Мое твердое решение рвать и не мучиться, врач, полная пожилая дама по имени Берта Львовна, категорически отвергла и начала лечить. И я целых две недели через день ходил на лечение, которое безболезненным назвать нельзя. Иногда у меня были поползновения встать и уйти куда глаза глядят.

Потом мне приходилось ставить пломбы у французских, американских, канадских врачей. У них были прекрасная техника, высокоскоростные машины, обезболивающие мази.

Сейчас мне больше 80 лет. Все пломбы, которые мне ставили эти врачи, вылетали – и мне ставили новые. Но пломбы, которые мне поставила Берта Львовна, стоят. Стоят вот уже более 50 лет.

44. Мальчишник, которого я не помню

Наша с Ларисой свадьба была назначена на 1 февраля, а в конце января меня отправили в командировку в Киев. Вернуться я должен был только утром в день свадьбы.

Когда днем 31 января я рассказал ребятам из Совмина Украины, что завтра у меня свадьба, они никак не отреагировали, но в семь часов явились ко мне в номер с провиантом:

– Надо организовать мальчишник.

Я отказывался: завтра улетать, вещи еще не собраны...

Они меня не слушали.

Я пришел в себя, только когда меня растолкала стюардесса:

– Москва.

Дома будущая супруга, открыв мой чемодан, порадовалась:

– Молодец. Так аккуратно сложил все вещи.

Я не стал ей говорить, что понятия не имею, кто складывал вещи, и оказавшиеся в чемодане подарки я не покупал.

Это была не последняя веселая история перед свадьбой. Шофер такси, который вез нас из загса в ресторан, ошибся и вместо «Праги» повез в «Советский». А когда понял ошибку и поехал в сторону «Праги», у него кончился бензин. Мы долго голосовали, пока не поймали новую машину. Опоздали мы на свадьбу прилично. Но ничего. Живем дружно уже больше пятидесяти лет.

45. Легендарный случай

Не могу не рассказать о таком веселом и трудном хлебе, как работа переводчика. И конечно же, несть числа веселым историям об ошибках переводчиков.

Однажды во время встречи рабочих делегаций в подмосковном санатории русские узнали, что среди французов есть молодожены, и потребовали, чтобы те по русскому обычаю поцеловались, а все кричали «Горько!».

Все было бы неплохо, но, как это ни покажется странным, в современном французском языке нет глагола «целоваться», старые словари приводят глагол *baiser*, который на жаргоне означает только «трахаться», причем это самый грубый синоним данного слова. Молодая переводчица этого не знала и перевела: «По русскому обычаю вам надо потрахаться, а мы будем кричать «Горько!»». А дальше игра слов: *amer* и *à mère*. И получилось: «Вы будете трахаться, а мы – кричать «Стань матерью».

– Где трахаться? – уточнили любознательные французы.

– Здесь, – отвечали русские товарищи.

– Прямо здесь?

– Прямо здесь.

– Неудобно, – засомневались было французы.

Но их успокоили:

– Это до свадьбы было неудобно. Ведь дома же вы трахаетесь.

Французы к тому времени уже основательно выпили:

– Русский обычай. Нельзя обижать хозяев.

Молодой супруг начал было сдаваться, но молодая жена ни в какую. К счастью, в зал вошел старший переводчик, и все закончилось тостом за молодоженов.

2.2. На нефтегазовом фронте

46. Руководитель старой школы

В 1964 году я перешел работать в только что созданный Государственный комитет СССР по нефтедобывающей и газовой промышленности. Трудился я в должности начальника протокольного отдела Управления внешних сношений. Мне еще не было 30-ти лет, в то время такое случалось нередко.

Председателем комитета был Николай Константинович Байбаков. Каждый праздник мы, работавшие на первом этаже, завидовали тем, кто работал на верхних этажах. Ибо каждого сотрудника он поздравлял с праздником лично и начинал сверху, а мы ждали, когда он спустится к нам, пожмет руку и пожелает успехов.

Однажды мне позвонила его секретарь:

– У Николая Константиновича какой-то посетитель. Он нетрезв, ведет себя шумно.

Я вошел в кабинет Байбакова. Действительно, посетитель вел себя «активно». Я взял его за плечи и выпроводил.

На следующий день мне позвонили из секретариата Байбакова и попросили зайти. Я шел за благодарностью.

– Вчера вы меня очень огорчили, Олег! – встретил он меня. – Вы очень грубо поступили с посетителем. Человек приехал к министру издалека. А вы его...

Через год Байбаков был назначен председателем Госплана.

47. Руководитель очень старой школы

Позже, работая в МИДе и в ЦК партии, я часто встречал Байбакова на совещаниях. Иногда в перерыве он сам подходил ко мне. Бывало, вспоминал инцидент с посетителем.

Последний раз я видел его в 1985 году. Совещание в ЦК партии длилось неделю. В первый день он поздоровался со мной, спросил, где я работаю. На следующий день он меня не узнал. Потом опять узнал.

– С ним это бывает. Возраст! – объяснил мне секретарь парткома Госплана.

И в таком состоянии он еще пять лет руководил Госпланом! Важнейшим органом, координирующим всю хозяйственную жизнь страны.

48. Великовозрастный помощник

– Олег Сергеевич, Николай Константинович просит вас зайти.

В кабинете сидит вальяжный субъект лет сорока. Байбаков его представил:

– Гук Юрий Иванович.

Мы раскланялись.

– Я знаю, Олег, что у вас очень много работы... – начал Байбаков.

Я согласился, хотя, по правде говоря, работы у меня практически никакой не было. Комитет был организован всего полгода назад, и за это время к нам приезжали всего две делегации.

– Поэтому я думаю укрепить ваш отдел. Вы не будете возражать, если я назначу Юрия Ивановича вашим помощником?

Я крайне удивился, но изобразил радость:

– Теперь будет легче работать.

Мы вышли из кабинета.

– Надо бы это отметить, – предложил мой новоиспеченный помощник.

Я согласился, но выразил сожаление по поводу отсутствия достаточных материальных средств.

– Неважно, – парировал Гук. – Беру все на себя. Поедем в «Балчуг».

Мы спустились вниз, подошли к огромному белому форду. На таких машинах я никогда не ездил:

– Прекрасная машина.

Гук не согласился:

– Очень заметная. Жене обязательно докладывают, где я.

Уже в первый день я узнал причину его появления у нас.

– Я зашел в кабинет полковником и членом партии, а через десять минут вышел рядовым и беспартийным.

Он работал в Швейцарии, вместе с Носенко. Когда тот сбежал, Гука наказали. К счастью, его жена была дочерью бывшего министра, знакомого Байбакова, и тот принял его на работу.

Жизнь моя с появлением Гука изменилась. Деньги у него были. И именитые знакомые тоже. Наиболее памятными были походы в пельменную с А. Аджубеем. Бывший главный редактор «Известий» был остроумным собеседником. Но спиртного заметно перебирал.

Через несколько месяцев я перешел на работу в ЦК ВЛКСМ, с нефтяной промышленностью расстался и с Гуком больше не встречался.

49. Замятин

Однажды Гуку поручили организовать лекцию по международному положению, и он пригласил заведующего отделом печати МИДа Леонида Замятина.

После лекции Гук предложил:

– Поедем выпьем.

Замятин согласился. Взяли меня.

– Это мой начальник, – представил меня Гук.

На белом форде мы доехали до Столешникова переулка, купили бутылку водки.

– Где будем пить? – забеспокоился дипломат.

– В подъезде, – спокойно ответил Гук. – Олег, найди стакан.

Это было нетрудно. Рядом стоял автомат с газированной водой. Я взял стакан, и мы направились в подъезд ближайшего дома.

Замятин нервничал, предлагал пойти в кафе. Но Гук был непреклонен:

– Леня, ты оторвался от народа. Но я тебя знаю. Ты простой парень. Иди с нами.

Мы зашли в подъезд. Гук не торопясь налил водку в стакан, протянул стакан Замятину:

– За Россию и ее обычаи.

Тот быстро выпил одним глотком.

Потом Гук налил мне; последним, по-прежнему не торопясь, выпил сам.

Когда мы вышли из подъезда, Замятин был в восторге:

– Юра, ты молодец. Спасибо вам, ребята. Действительно, я оторвался от народа. А я такой же, как все.

– Вот пойдешь и поставь стакан на место.

50. Встреча в Алжире

Через пять лет я встретил Замятина в Алжире. Он приехал в составе делегации вместе с Н. Подгорным. Я к тому времени был вторым секретарем посольства.

- Помните, как мы выпивали в подъезде?
- Конечно, помню. Это было здорово.

Когда-то он служил вместе с моим тестем в посольстве в Вашингтоне и несколько раз привозил Ларисе подарки от родителей. Я передал ему привет от Ларисы.

- Ты что, женат на Ивановой дочке?
- Да.

– Так она же несовершеннолетняя.

Увы. Ларисе было уже 29 лет.

– Как быстро мы стареем! – сокрушался он.

Позже я часто видел его в ЦК партии. Карьера его развивалась стремительно: генеральный директор ТАСС, заведующий отделом международной информации ЦК партии, посол в Англии.

Леонид Митрофанович жив, недавно я слышал его на «Эхо Москвы».

51. Наталья Щучьева

Вновь созданный Государственный комитет по нефтедобывающий и газовой промышленности первые три месяца располагался в здании в Орликовом переулке.

Мы с сотрудниками управления внешних сношений сидели в огромном зале. Моему отделу выделили стол. За ним должны были работать я и моя секретарша. Она была в отпуске, сдавала экзамены. Я знал только, что ее зовут Наташа, а фамилия Егурнова.

Нужно было готовить список на еженедельное получение продуктов в спецбуфете. Отчество Наташи я не знал и написал: «Н. Щ.».

Через день пришла счастливая Наташа, сдавшая зачеты. И сразу же недоуменный вопрос какой-то дамы:

- Наташа, какое у вас странное отчество!
- Ничего странного, – бойко ответила Наталья. – Щучьева. Я Наталья Щучьева.

Я обрадовался: девчонка понимает юмор. А начальник управления Н. Шилин одобрительно кивнул головой:

- Сработаемся.

52. Советы опытной дамы

В тот же день Наташа поведала нам о том, что мать держит ее в строгости. Ей запрещено носить шелковое белье.

– Это напрасно, – среагировала дама, которая интересовалась Наташиным отчеством. – Женщина всегда должна носить красивое белье. Никогда не знаешь, где придется раздеваться.

Было бы понятно, если бы мы слышали такое от иной женщины, но дама, говорившая это, была очень немолода и крайне непривлекательна.

А потом она добавила:

- И никогда не знаешь, случится ли это завтра, а может быть, даже сегодня.

На что начальник управления скептик Шилин тихо заметил:

- Кому-то сегодня может крупно не повезти.

53. Как проверить нравственность

Другая дама как-то сказала Наташе:

- Ваш Олег – очень развращенный человек.

Наташа не согласилась:

– Что вы! Он очень скромный.

– Нет, нет, Наташа, поверьте мне. Я вам докажу.

И доказала.

Когда через несколько дней я сидел в буфете, она привела туда Наталью:

– Посмотрите, Наташа, как он выдавливает молоко из пакета.

Наталья потом целый день смеялась, а Шилин говорил неприличные вещи.

54. О необходимости сохранять инкогнито

Лет через десять я встретил обеих дам на похоронах моего дяди. Они обалдели:

– Ты племянник Рубена?

Я подтвердил.

– Что же ты раньше не сказал! – убивались они. – Мы бы тебя на руках носили.

Иногда лучше сохранять инкогнито.

55. Наталья чистит пол

Летом 1964 года Госкомитет по нефтедобыче и газу переехал в новое здание на Софийской набережной. И началась битва за кабинеты и мебель.

Кабинет протокольному отделу выделили приличный, но вот мебель нас не устраивала, особенно стулья. Мы заметили на складе отличные стулья и решили украсть шесть штук.

У входа в склад сидел парень и зорко следил, чтобы без надлежащей записки никто ничего не выносил. И мы мобилизовали Наталью.

В здании был только что проведен ремонт, и сотрудницы с бритвами в руках очищали пол от краски. Наталья подошла к складу, стала на четвереньки и начала скрести пол. Картина сторожу представилась необычная: молодая, красивая, с обворожительными формами девица на четвереньках, а если учесть, что дело было летом и Наталья всегда носила короткие юбки...

От чудесной картины парень не мог оторвать глаз. Наталья поворачивалась. Парень поворачивался на стуле тоже. А мы с Гуком выносили стулья. Когда Гук вынес последний, то сказал Наташе:

– Все.

Она повернулась, грозно посмотрела на сторожа:

– Что вы себе позволяете! Я не могу так работать.

И гордо удалилась.

Веселая и скромная девушка, Наташа быстро вписалась в коллектив. О ее семье мы ничего не знали. Домой к себе она не приглашала. Только через сорок лет я узнал, что отец у нее был легендарной личностью – генералом КГБ.

56. Как писать характеристики

Мне предложили перейти на работу в ЦК ВЛКСМ. Нужно было представить характеристику с места работы.

– Напиши сам, – сказал Шилин.

Я написал. Шилин прочел, поморщился.

– Идем к Александрову.

Виктор Александрович Александров был начальником управления кадров.

Александров, знавший меня еще по Комитету по координации и пригласивший меня работу в Комитет по нефти и газу, взял характеристику, прочел и тоже поморщился.

И они с Шилиным стали характеристику править.

Вместо «после армии поступил в университет» они написали «как отличник боевой и политической подготовки по окончании службы в армии был рекомендован для учебы в университете». Вместо «работал в цирке» – «обладая артистическими данными и незаурядной физической подготовкой, был приглашен для работы в цирк» и так далее.

57. В Госплан я не попал

Когда Байбаков стал председателем Госплана, он назначил начальником отдела кадров моего знакомого по работе в двух комитетах Виктора Александровича Александрова. Я тогда работал деканом Центральной комсомольской школы. Александров вызвал меня к себе и предложил должность заместителя начальника Управления внешних сношений Госплана. Я был у Байбакова. Тот согласился. Я начал оформлять документы...

Но времена уже были другие. Во времена Сталина и Хрущева при назначении на должность решали, способен ли претендент справиться с ней. При Брежневе решали, достоин ли он назначения. И на эту должность утвердили племянника секретаря ЦК.

58. Меритарная система

– Да, времена теперь другие, – согласился тесть моего брата Александр Федорович Яковлев, доктор экономических наук, профессор. – Меритарная система подбора кадров сменилась аристократической, элитарной.

И объяснил:

– Меритарная система – это когда назначают на должность, принимая во внимание способность претендента справиться с должностью. Противоположностью является аристократическая система, когда на должность назначают, ориентируясь на принадлежность претендента к элите. Это может быть родовая, дворянская элита. Может быть государственный nepoтизм, когда при назначении на должность принимают во внимание родственные связи. Может быть олигархическая элита, когда должность можно просто купить.

Я начал что-то говорить о марксизме. Александр Федорович меня перебил:

– Марксизм здесь ни при чем. Меритарная система в России была при Петре Первом, при Екатерине Второй и при Сталине. Обрати внимание: первых двух называли великими. При них государство развивалось наиболее эффективно. Теперь у нас изменилась система, и многие даже не заметили.

– И что будет? – спросил я.

– С 1928 года был подъем. Теперь начнется спад.

– И чем закончится спад?

– Спад всегда заканчивается распадом.

Как в воду глядел.

3. Школа нелегалов

3.1. На передовой идеологической войны

59. Шакал не проходит проверку

В апреле 1965 года я был утвержден в должности декана Центральной комсомольской школы ЦК ВЛКСМ и вошел в номенклатуру идеологического отдела ЦК КПСС.

Больше половины слушателей на моем факультете были нелегалами из Латинской Америки. Они прилетали в Москву в августе-сентябре. Под мое честное слово их пропускали через пограничный контроль в Шереметьево, и мы отвозили их в гостиницу «Юность».

После того как вызванный мною представитель компартии той страны, откуда прилетел новичок, подтверждал, что приехавший – тот, за которого себя выдает, я проводил с ним беседу и, если он нам подходил, давал указание оформить въездные документы. Иногда забывал. Однажды мне позвонил сам начальник погранвойск и спросил, знаю ли я, что под мое честное слово в Москве находятся 14 человек без штампа о въезде, а стало быть, нелегально.

Известного международного террориста Ильича Рамиреса Санчеса по прозвищу Шакал, в настоящее время отбывающего срок за три убийства во Франции, тогда в школу я не принял: счел недостаточно политически подготовленным и с согласия представителя венесуэльской компартии отправил на учебу в Университет имени Лумумбы.

Мне рассказывали, что он на меня обиделся.

60. Идеолог партии в женском туалете

Выступать перед слушателями Центральной комсомольской школы приглашали многих известных людей. Однажды мы ждали Валентину Терешкову.

За час до приезда Терешковой объявился Саша Дзасохов, тогда заместитель председателя Комитета молодежных организаций.

– Все готово?

– Все.

– Давай проверим. Ты знаешь, какая она! С ней можно нарваться на неприятности.

Мы осмотрели зал, заглянули в кабины переводчиков, проверили микрофоны. Вроде бы все было в порядке.

– А туалет? – неожиданно вспомнил Дзасохов. – У вас есть отдельный туалет рядом с залом заседаний?

У нас не было отдельного туалета рядом с залом заседаний.

– У нее живот болит? – поинтересовался я. – Или другая какая болезнь?

Дзасохов испугался:

– Что ты!

И тут же спросил:

– А ты женский туалет проверял?

Я признался, что до этого не додумался. Но заверил, что у нас во всех туалетах чистота, и обещал послать проверить кого-нибудь из переводчиц.

– Что ты! – замахал он руками и побежал.

Он влетел в женский туалет. Находившиеся там переводчицы и иностранные студентки шумно выразили крайнее неудовольствие.

– Девочки, спокойно, это проверка. Скоро сюда может зайти Терешкова.

И проверил слив в каждой кабинке...

При Горбачеве он стал главным идеологом партии. До него на этой должности был М. Суслов. При всем моем негативном отношении к Суслову мне трудно представить его проверяющим слив в женском туалете.

Когда случились события августа 1991-го, ни один коммунист не вышел защищать свою партию. Ни один. А ведь при приеме в партию все клялись быть верными этой партии, защищать ее идеалы.

Неужели все клятвопреступники?

Продали идеалы? Какие? У Н. Бухарина идеалы были. С ними можно соглашаться или нет. У Суслова были не идеалы, а догмы. Но были.

А какие идеалы Дзасохова можно было продать?

Позже он попал на страницы газет, когда, будучи президентом Северной Осетии, руководил штабом спасения заложников в Беслане. После этого его сняли.

61. Визит председателя КГБ

Как-то в школу приехал председатель КГБ В. Семичастный, который до этого был первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Приехал, как он сам выразился, «с неофициальным визитом». Многие у нас знали его по комсомольской работе. Он сам когда-то учился в школе. В конце визита мы пили кофе в кабинете директора.

– У меня к тебе, Володя, просьба, – обратилась к нему заместитель директора Маша Гаркуша, еще год назад первый секретарь Курганского обкома комсомола. – Хорошо бы ввести у нас в школе пост КГБ.

Кагэбэшники тогда не имели право вмешиваться в работу комсомольских организаций, и в нашей школе их не было.

– Зачем? – удивился Семичастный.

– У нас много иностранцев, есть нелегалы, около школы иногда ошиваются подозрительные личности. А сотрудников КГБ у нас нет.

– Нет, Маша, делать этого не надо, – умерил ее пыл Семичастный. – Я знаю своих ребят. Они начнут следить не за иностранцами, а за тобой.

– Почему, Володя? – удивилась Маша.

Председатель комитета немного подумал, а потом изрек:

– Потому что это проще.

На том и порешили.

62. Монах трудолюбивый

Мой коллега Виктор, занимавшийся африканцами, как-то пожаловался мне:

– Каждое утро ко мне приходит парень из Южной Африки и по часу рассказывает, что капитализм – это плохо, а Советский Союз – друг угнетенных и тому подобное. Не знаю, что с ним делать.

– Пришли его ко мне.

На следующее утро парень появился в моем кабинете. Только он начал мне излагать свои теории о том, как надо спасать мир от капитализма, я его прервал:

– То, что ты говоришь, очень важно. Поэтому изложи все это письменно и принеси Виктору завтра утром.

И началось. Каждое утро он приносил Виктору по десять страниц, исписанных мелким почерком. Виктор завел для них специальную полку. Потом ему надоело, и он выкинул все рукописи. Парень прибежал жаловаться ко мне.

– Никому не говори об этом, – успокоил я его. – Просто твои бумаги отправили в ЦК партии. Это очень важно и секретно.

– Мне продолжать писать?

– Продолжай.

И он продолжал.

63. Как я сдал человека в КГБ

Наша школа была, пожалуй, единственным учреждением в Москве, где отмечали католическое Рождество. Официально праздник не объявляли, но слушатели «праздновали» допоздна, а мы закрывали на это глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.